

УДК 94(47).081+94(57)+94(438)

DOI 10.25513/2312-1300.2018.1.43-48

С. А. Мулина

**«...МЫ СТРАДАЕМ, ВИДЯ ВАШУ И НАШУ ГОРЬКУЮ УЧАСТЬ»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ О СИБИРИ
ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863 г.***

Рассматриваются факторы, оказавшие влияние на укрепление мартирологического образа Сибири в западных губерниях Российской империи после поражения восстания 1863 г. На примере семьи Высоцких автор реконструирует условия жизни польской шляхты, бытующие в её среде стереотипные представления о Сибири, а также модели поведения, реализующиеся в процессе контактов с родственниками, сосланными в Сибирь.

Ключевые слова: польская ссылка; шляхта; корреспонденция; образ Сибири; «сибирский миф».

S. A. Mulina

**“...WE SUFFER, SEEING YOUR AND OUR BITTER FATE”: REPRESENTATION
OF THE POLISH GENTRY ABOUT SIBERIA AFTER THE UPRISING OF 1863**

The article considers factors that influenced the strengthening of the martyrology image of Siberia in the western provinces of the Russian Empire after the defeat of the 1863 uprising. On the example of the Vysotsky family, the author reconstructs the living conditions of the Polish gentry, stereotypes about Siberia that exist in her environment, as well as patterns of behavior that are realized in the process of contacts with relatives exiled to Siberia.

Keywords: polish exile; Polish gentry; correspondence; image of Siberia; “Siberian myth”.

Говоря о польском образе Сибири, или «сибирском мифе», историки прежде всего обращаются к сложившемуся в романтической литературе образу Зауралья как «проклятой земли», «ледяного пекла», «края вечных снегов и вечной тоски», территории совокупного страдания польского народа [1]. Формированию мартирологического образа Сибири способствовала массовая ссылка поляков вглубь Российской империи. Будучи несомненной драмой для отдельных семей, ссылка в то же время была травматическим опытом для всего польского общества. Соединение этих мощных чувств с глубоким незнанием мест и условий ссылки стало отличной средой для фор-

мирования мифа [2, s. 442]. Творчество романтиков усилило процесс мифологизации. Литературный образ ссыльного – это патриот-мученик, готовый ради родины принять свою судьбу. «Достоинно, с поднятой головой он сносит мучения – многомесячный марш в кандалах и цепях среди снегов и мороза, тяжёлую работу каторжника (с прикованной тачкой), чаще всего на рудниках, или тёмное подземелье тюрьмы» [3, s. 114]. Сформировавшись в XIX столетии, «сибирский миф» продолжал существовать в массовом сознании поляков на протяжении XX в., а отдельные его элементы стали частью современной политической культуры Польши.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-21-01006 «Разделённые восстанием 1863 года: Сибирь в семейной истории шляхетства Западного края».

Причины устойчивости «сибирского мифа» историки видят в периодических репрессивных акциях самодержавия в отношении поляков и необходимости укрепления национальной идентичности в условиях борьбы за независимость, но механизмы воспроизведения мифа в польском обществе остаются слабо изучены. Наиболее важный в данном отношении вывод польских исследователей сводится к тому, что «сибирский миф» формировался на польских землях людьми, которые никогда не были в ссылке, сами же ссыльные не имели на этот процесс значительного влияния [2, с. 445]. Эта установка определила наш интерес к условиям жизни польской шляхты, бытующим в её среде стереотипам, а также моделям поведения, формирующимся в процессе контактов жителей польских земель с родственниками, сосланными в Сибирь. Именно эти факторы, на наш взгляд, должны были оказывать влияние на воспроизведение или трансформацию «сибирского мифа» в польском обществе.

В центре нашего исследования – семья Камилии и Карла Высоцких, помещиков Пружанского уезда Гродненской губернии. Их 17-летний сын Эдуард в мае 1863 г. присоединился к повстанческому отряду Феликса Влодека, затем поступил под командование Валериана Врублевского, участвовал с оружием в руках в стычках с правительственными войсками, а после того как отряд был разбит, добровольно явился к российским властям. По решению военно-судной комиссии Эдуард был лишён «всех особых прав и преимуществ» и 17 мая 1864 г. сослан на жительство в Тобольск.

Мы остановили выбор на семье Высоцких, поскольку в фондах Тобольского архива обнаружили неопубликованную переписку Эдуарда Высоцкого, изъятую у него при обыске 8 января 1867 г. Она представляет собой несколько десятков трогательных посланий на польском языке, написанных с 1865-го по 1866 г. оставшимися на родине членами его семьи: матерью, отцом, сёстрами и младшими братьями [4]. Сохранилось только два письма самого Эдуарда родителям (видимо, черновики). Из них можно узнать, что Высоцкий аккуратно получал корреспонденцию из дома, но его ответы не всегда доходили до родственников, а также то,

что финансовое положение Высоцкого в начале ссылки было «очень критичным» [4, л. 50–50 об., 59–59 об.]. Кроме писем в деле сохранились ноты, присланные Эдуарду сестрой Амелией.

Первое, что необходимо отметить, так это то, что сосланный в Сибирь Эдуард воспринимался членами семьи как случайная жертва обстоятельств, политической системы, заложник собственной молодости и неопытности, без какой бы то ни было героизации. Кажется, что подобное отношение к ссыльным должно было доминировать в Западном крае. Его формированию способствовала молодость многих повстанцев, отсутствие чётких идейных установок, а также особенности карательной политики самодержавия, коснувшейся не только реальных участников волнений, но и совершенно случайных жертв. Это приводит к формированию определённой модели поведения членов семей ссыльных по отношению к репрессированным родственникам, предусматривающей постоянную помощь, покровительство, защиту перед властями. Пока Эдуард Высоцкий находился в заключении в Гродно, его мать Камилия Юльянова Высоцкая дважды обращалась с прошениями к военному губернатору Гродно и гродненскому гражданскому губернатору Ивану Николаевичу Скворцову: в декабре 1863 г. и январе 1864 г., – где указывала на то, что её сын «по молодости и легковерию» позволил ввести себя в заблуждение и был буквально «втащен в шайку», и умоляла освободить его из-под ареста под своё поручительство [5, л. 5–5 об.]. Прощения остались без ответа. Более того, о приговоре Эдуарда родители узнали задним числом, когда их сын уже находился в Тобольске. Узнав об этом, отец Эдуарда, уволенный от службы поручик Карл Иосифов Высоцкий, обратился к И. Н. Скворцову с просьбой известить, по какой причине Эдуард, раскаявшийся и чистосердечно осознавший свою вину, лишён помилования наравне с другими, ему подобными [Там же, л. 19–20]. По версии отца, в мае 1863 г. Эдуард выехал в Вильно, чтобы навестить заболевшего брата, состоявшего в Александровском кадетском корпусе. Но, «увлечённый угрозами неблагонамеренных людей», присоединился к «шайке инсургентов», где про-

был почти четыре месяца. Когда он осознал, что «худо сделал», сбежал из шайки, 4 сентября явился в родительский дом с извинениями за самовольный свой поступок и просил представить его военному начальству «для объявления чистосердечного раскаяния в цели испрошения пощады» [5, л. 19–19 об.]. Карл в тот же день объявил властям о возвращении сына, а 6 сентября Эдуард был взят под арест.

Когда Эдуард был отправлен в ссылку, семья продолжила его опекать. Родители регулярно высылали сыну небольшие денежные суммы и одежду, несмотря на финансовые трудности. «Бедная мама, – писала Амалия брату, – что тебе посылала, то от себя отнимала, потому что вечно, как отец даст на какую-нибудь одежду для мамы, то всегда эти деньги тебе пошлёт; ах!» [4, л. 12 об.]. Высоцкие установили контакт с земляками, ксендзами Томашем Ленчевским и Гриневецким, также отбывавшими наказание в Тобольске, и попросили приглядывать за сыном. В 1866 г. ходатайствовали о приёме Эдуарда на государственную службу, но, учитывая причины, по которым тот оказался в Сибири, в ходатайстве было отказано [6, л. 1].

Отношение родителей к Эдуарду было подхвачено, скопировано другими детьми, которые росли в атмосфере постоянных письменных контактов с сосланным братом и семейных разговоров о его несчастной судьбе. Все члены семьи участвовали в переписке с Эдуардом. Младшие дети (Мечислав, Зигмунд, Болеслав, Казимир, Стефания) делали небольшие приписки к письмам родителей и старшей сестры Амалии, в которых выражали сожаление о разлуке с братом и надежды на его скорое возвращение.

В 1866 г. императорскими указами от 16 апреля и 18 октября политические преступники, сосланные на жительство без лишения прав состояния, получили возможность переселяться под надзор полиции в 11 губерний Европейской России. Эдуард не попадал под действие амнистии, поскольку был лишён прав. Судя по переписке, он просил родителей походатайствовать о переводе его в Нижний Новгород. Но на этот раз родители оказались бессильны, поскольку не имели знакомых в Петербурге, и посоветовали

Эдуарду самому подать просьбу тобольскому губернатору или министру внутренних дел, под руководством которого, по сведениям Карла Высоцкого, открылся новый комитет, пересматривавший дела ссыльных, и все недовольные подавали жалобы и просили о новом следствии [4, л. 4 об.]. Воспользовался Эдуард советом родителей или нет, нам не известно. Но 3 мая 1868 г. он находился уже в Костромской губернии, откуда обращался к властям с просьбой о выдаче казённого пособия.

С 1871 г. Эдуард Высоцкий проживал в Варшаве, так как правительство не разрешало возвращения повстанцев в Западный край. В октябре 1878 г. Камилия Высоцкая (видимо, уже будучи вдовой) обратилась в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии с просьбой разрешить сыну переселиться в Гродненскую губернию. Пожилая женщина мотивировала свою просьбу тем, что сын лишился зрения и находится в крайне безвыходном положении. По свидетельству властей, Эдуард состоял на службе в телеграфном управлении Варшавско-Тереспольской и Привислинской железных дорог и действительно был «состояния весьма бедного» [7, л. 1 об.], а также близорук и страдал болезнью глаз. Учитывая данные обстоятельства, Высоцкому разрешили временно, сроком на один месяц, прибыть в имение Тевли Пружанского уезда для посещения больной матери. А в начале 1879 г. Эдуард получил разрешение императора постоянно проживать в Гродненской губернии.

После возвращения на родину Эдуард постоянно проживал в имении Тевли, иногда приезжал в Брест, останавливаясь у брата Сигизмунда, служащего на станции II Юго-Западных железных дорог. В 1886 г. Эдуард обратился к властям с просьбой освободить его от полицейского надзора, в 1887 г. – выдать справку о благонадёжности в политическом отношении для поиска какой-либо работы, а на следующий год – с просьбой определить его «на службу бесплатно по секретной части полиции» [8, л. 1, 8–8 об., 10–10 об.]. Сложно комментировать эти прошения. По мнению пружанского уездного исправника, Высоцкий со времени возвращения из ссылки под надзором полиции не со-

стоял, страдал «идиотизмом» и был пристрастен к «горячим напиткам» [8, л. 5 об.]. Возможно, что ссылка, разлука с родными действительно оставили неизгладимый след в психике и характере Эдуарда и способствовали развитию алкоголизма. И если это так, то опека над больным снова легла на плечи его семьи.

Осуждение кого-либо из родственников неизменно навлекло неприятности на всю семью, что также способствовало восприятию ссылки как семейной трагедии. Отец Эдуарда тоже был признан неблагонадежным в политическом отношении и в 1865 г. отдан на поручительство с учреждением полицейского надзора. С имения, принадлежавшего ему и жене, был взыскан 30 %-й контрибуционный сбор. И это несмотря на то, что Карл Высоцкий не был замешан в противоправительственной деятельности и подчёркивал, что не испытывает «никакого сочувствия к возникшей Революции» [5, л. 19–19 об.].

Семья осуждённого лишилась покровительства властей во многих вопросах. В декабре 1865 г. Карл Высоцкий обратился с прошением к главному начальнику края поместить своих детей Сигизмунда и Болеслава в Нижегородскую военную гимназию (бывший Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус), где уже обучался один из старших сыновей, ибо, добавлял проситель, «усердным желанием моим есть, дабы все дети мои воспитывались в Господствующей Русской Национальности» [9, л. 3–3 об.]. В просьбе было отказано, поскольку Карл Высоцкий находился под надзором полиции, плюс к тому у него кроме двух «порядочных» имений Байки и Тевли имелся «значительный наличный капитал, достаточный для воспитания своих детей» [Там же, л. 5–5 об.]. В реальности материальное благосостояние Высоцких не было столь прочным, как полагали власти. «...Бедняги сидят дома, потому что, Бог мне свидетель, не имею, за что их отдать в школы», – жаловался Карл Высоцкий [4, л. 4 об.].

О трудностях, с какими сталкивались семьи повстанцев в Северо-Западном крае во времена генерал-губернаторства М. Н. Муравьёва, мы уже писали применительно к семьям ссыльных Михаила Жабы и Эдуарда Рад-

ванского [10]. История семьи Высоцких, несмотря на то что имела изначально более устойчивое финансовое положение, также испытала на себе воздействие российской политики, направленной на подрыв материального благосостояния польского дворянства. Высоцкие были ограничены в передвижении. Финансовое положение семьи ухудшалось из-за постоянных выплат. Сначала в течение пяти дней Высоцкие должны были выплатить, согласно конфирмации, 1 507 рублей серебром контрибуции, причём, по словам Амелии, заплатить должны были больше, чем другие жители уезда: «Контрибуций общих было пять, а мы должны были заплатить девять, но не подумай, что может по дюжине или несколькими десяткам рублей, но это всегда несколько сотен» [4, л. 12]. Для выплаты контрибуции Высоцкие вынуждены были продать часть рогатого скота и лошадей, всех овец, а из слуг осталась «одна девка» [Там же, л. 14 об.]. «Нам тебе нечего сообщить о себе, как только то, что мы страдаем, видя вашу и нашу горькую участь», – писали родные Эдуарду [Там же, л. 18 об.]. Удивительно, но родители предполагали, что Эдуард в Сибири оказался в более выгодной ситуации, чем они сами. «...Не жалею родной земли, потому что она довела нас до могилы... – писала Камилия Высоцкая сыну. – Что за жизнь без хлеба и без помощи, там тебе лучше, так как там найдёшь людей, которые ещё имеют человечность и по-христиански обходятся, и дадут хлеб за работу, а здесь мы отстранены от всего, здесь нас не считают за людей, как скотом помыкают... всё обесценилось, и за всё штраф, и так ездить, ходить, одеваться и говорить нельзя, я-то и за ворота боюсь выйти, и на старости должна учиться говорить по-русски» [Там же, л. 13 об.]. Если в одном из первых писем матери Эдуард предстаёт как «изгнанник на чуждой земле среди чужих» [Там же, л. 1а], то в следующих посланиях родители рассматривают Тобольск как место, где их сын может жить и работать. Главное только при этом быть «честным, набожным, трудолюбивым», терпеливым, избегать дурных привычек и плохого общества как величайшей заразы [Там же, л. 4 об.–5].

При этом можем отметить, что письма Эдуарда, как правило, были кратки и мало

предоставляли информации о Сибири. Подобная ситуация не была чем-то уникальным. Ссылные не воспринимали окружающее их пространство как нечто интересное. Для них Сибирь стала обыденностью, и они не стремились к подробным описаниям, которые, несомненно, могли бы работать на формирование более объективного образа Сибири. В одном из писем Карл Высоцкий составил сыну перечень вопросов, сгруппированных в 13 пунктов, сопровождавшийся просьбой непременно на них ответить в следующем письме [4, л. 5–5 об.]. Видимо, Эдуард снова оказался немногословен, так как буквально через пол месяца мать ссылного высылает более обширный перечень вопросов, теперь уже сгруппированных в 17 пунктов [Там же, л. 20–20 об.]. Некоторые из них встречались в более ранних письмах родителей, но, видимо, так и остались без ответа.

Большая часть вопросов касалась условий жизни Эдуарда в Тобольске: где живёт, на какой улице, в чьём доме, как зовут хозяина, как выглядит комната, тёплая ли, удобная ли, один живёт или с кем-нибудь, сколько комнат занимает, сколько платит, где обедает, сколько раз в день, что ест, какой имеет вес, часто ли бывает в костёле, исповедовался ли, сколько часов работает, как проводит свободное время, ходит ли на прогулку за город, сколько получает, все ли посылки доходят. Вторая группа вопросов была посвящена сибирскому окружению Эдуарда. Родители интересовались, в каких домах он бывает, как зовут этих людей, какого они ранга и чина, кто ему помог устроиться в канцелярии, с кем водит дружбу, кто из знакомых находится в Тобольске, с кем из ссылных Эдуард в наилучших отношениях. Видимо, родители были хорошо осведомлены, кто из земляков отбывал наказание в Тобольске и что собою представлял, поэтому заклинали сына не водить дружбу с неким Доманьским (о нём см.: [11]), интересовались, всегда ли Эдуард дружен с дворянином Гродненской губернии Яном Ельцем (о нём см.: [12, л. 9 об.; 13, л. 153]), в Тобольске ли находятся Антоний Данкевич и пружанский капеллан Францишек Высоцкий и т. д.

Третья группа вопросов была посвящена собственно Сибири. Их разнообразие позволяет говорить, как о большом интересе жите-

лей западных губерний к азиатской окраине Российской империи, так и о том, что знания о Сибири были весьма поверхностны. Родители интересовались, какие злаки сеют, какие в садах растут фрукты и цветы, какая цена на продукты, на водку, правда ли, что в Сибири делают спиртовой настой кобыльего молока, какой он на вкус, содержат ли в Тобольске лошадей, есть ли скот, как выращивают овец и коз, приручены ли олени, едят ли их мясо, на что оно похоже, какую рыбу ловят, какие звери водятся, ловится ли соболь, чем торгуют в Тобольске, много ли там купцов и ксендзов, служащих мессы, какой народ живёт, русские или какие-то иные народы. В вопросах и поступках родителей Эдуарда отчётливо просматриваются стереотипы в восприятии Сибири, бытовавшие в европейских губерниях России. Карл Высоцкий, зная, что Сибирь славится мехом песца, просит сына, если он сам добудет зверя, выслать матери шкуру на воротник [4, л. 5]. Родителей Эдуарда пугали сибирские морозы, и они приложили много усилий, чтобы в самые короткие сроки выслать сыну шубу и тёплую одежду. Затем семью Высоцкий встревожили слухи о том, что в Тобольске царят большие разбои и многие поляки были убиты [Там же, л. 18 об.].

Таким образом, корреспонденция ссылных создавала возможность польской шляхте составить некоторое представление о Сибири, более того, посмотреть на Зауралье как на регион, в котором можно не только выжить, но также найти работу, жильё, приятное общество, товарищей и духовную опеку ксендза. Однако ссылка непременно становилась тяжёлым испытанием не только для самих ссылных, но и членов их семей, остававшихся на родине. Постоянная опека над сосланными родственниками, а также тяготы жизни в условиях политики русификации, набиравшей обороты в Западном крае после восстания 1863 г., не позволяли избавиться от ощущения трагедии и способствовали закреплению мартирологического образа Сибири как территории страданий польского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Trojanowiczowa Z. Sybir romantyków / w oprac. materiałów wspomnieniowych uczestniczył Jerzy Fiećko. – Poznań, 1993. – 470 s.*

2. Trynkowski J. Polski Sybir: zesłańcy i ich życie narodziny mitu. – Warszawa : Neriton, 2017. – 470 s.
3. Chrostek M. Mitologizacja Syberii i zesłańców w twórczości polskich pozytywistów i modernistów // Syberia infernalna – mity i oblicza rzeczywistości / pod red. M. Cwenk, J. Trynkowskim. – Lublin : Wydawnictwo KUL, 2014. – S. 111–139.
4. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 1. Д. 4.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 34. Д. 1264.
6. Там же. Оп. 6. Д. 1377.
7. Там же. Оп. 7. Д. 2614.
8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1677.
9. Там же. Оп. 22. Д. 1644.
10. Мулина С. А. Контакты ссыльных участников восстания 1863 года с исторической родиной (на примере корреспонденции Михаила Жабы и Эдуарда Радванского) // Polskie dziewiętnastowieczne pamiątki i listy z Ziemi Zabrzanych: rola i miejsce w badaniach historycznych / pod red. W. Caban, L. Michalska-Bracha. – Kielce ; Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2017. – S. 363–373.
11. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 6. Д. 10388.
12. Там же. Оп. 4. Д. 6277.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 экспедиция. 1863. Д. 23. Ч. 416.

Информация о статье

Дата поступления
25 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать
1 февраля 2018 г.

Сведения об авторе

Мулина Светлана Анатольевна – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: swetmulina@rambler.ru

Для цитирования

Мулина С. А. «...Мы страдаем, видя вашу и нашу горькую участь»: представления польской шляхты о Сибири после восстания 1863 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1 (17). С. 43–48. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.43-48.

Article info

Received
December 25, 2017

Accepted
February 1, 2018

About the author

Mulina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: swetmulina@rambler.ru

For citations

Mulina S. A. “...We Suffer, Seeing Your and Our Bitter Fate”: Representation of the Polish Gentry About Siberia After the Uprising of 1863. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, no. 1 (17), pp. 43–48. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.43-48 (in Russian).